

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ
ПОЛЕТ ШЕРШНЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
Ф75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett

HORNET FLIGHT

Перевод с английского Э. Д. Меленевской

Компьютерный дизайн Я. Е. Половцевой

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Writers House, LLC и Synopsis.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Полет шершня : [роман] / Кен Фоллетт ; [пер. с англ. Э. Д. Меленевской]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 448 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-081502-9

1941 год — черный для стран антигитлеровской коалиции.

Немецкие войска наступают на территорию СССР, Великобритания безуспешно посылает за Ла-Манш все новые эскадрильи бомбардировщиков, а почти вся остальная Европа оккупирована нацистами. Однако и там, под гитлеровским сапогом, живо движение Сопротивления — движение, в котором особое место занимает Дания.

Диверсии, акты саботажа, сбор информации, операции по спасению евреев — датские подпольщики отважно сражаются с оккупантами.

Но теперь одна из групп разгромлена. Ее участник Арне Олафсен, ставший обладателем невероятно важной для британской разведки фотопленки, на которой отображено местонахождение мощного радара «Фрейя», погиб, едва успев передать материалы младшему брату — восемнадцатилетнему Харальду. И теперь Харальд и его подруга Карен намерены совершить невозможное — любой ценой перевезти фотопленку в Англию...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-081502-9

© Ken Follett, 2002
© Перевод. Э.Д. Меленевская, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Кое-что из описанного в самом деле произошло

Пролог

Человек с деревянной ногой шел по госпитальному коридору.

Невысокого роста, энергичный, атлетического сложения, лет эдак тридцати, в простом темно-сером костюме и черных, с круглым носком, ботинках, двигался он споро, но легкий сбой в ритме шага — топ-тооп, топ-тооп — не оставлял сомнений в том, что человек хромым. Лицо его выражало сосредоточенную суровость: так бывает, когда стараются подавить сильное чувство.

Пройдя в самый конец коридора, посетитель остановился у поста медсестры.

— Капитан авиации Хоар... — произнес он.

Медсестра, молоденькая хорошенькая брюнетка, подняла глаза от журнала врачебных назначений.

— Вы, наверное, родственник? — с дружелюбной улыбкой поинтересовалась она, произнося слова мягко, как говорят в графстве Корк.

Чары ее эффекта не возымели.

— Брат, — коротко отозвался посетитель. — Какая кровать?

— Последняя, с левой стороны.

Он развернулся на каблуках и проходом между кроватями направился в конец палаты. Там спиной к комнате сидел на стуле мужчина в буром больничном халате и, глядя в окно, курил.

— Барт? — помедлив, нерешительно произнес пришедший.

Тот поднялся со стула и повернулся к нему. Голова его была перебинтована, левая рука на перевязи, но на лице сияла улыбка. Он выглядел помоложе гостя и чуть выше ростом.

— Привет, Дигби.

Дигби обеими руками обхватил его, крепко к себе прижал.

— А я думал, ты погиб, — сказал он и заплакал.

* * *

— Я вел «уитли»... — рассказывал Барт.

«Армстронг уитворт уитли», неуклюжий длиннохвостый бомбардировщик, имел странную повадку в полете опускаться нос. Весной 1941 года из примерно семисот самолетов, имевшихся в распоряжении командования бомбардировочной авиации, таких было штук сто.

— Нас обстрелял «мессершмит», и несколько раз попал, гад, — продолжил Барт, — но, видно, кончалось горючее, потому что он отвязался, так нас и не прикончив. Я еще подумал тогда: вот повезло! Но потом мы начали терять высоту. Похоже, он все-таки повредил нам оба мотора. Чтобы снизить вес самолета, все, что не привинчено, мы повыбрасывали за борт, но толку от этого было не много, и мне стало ясно, что, делать нечего, придется садиться в Северном море.

Дигби, уже с сухими глазами, сидел на краешке больничной кровати, всматривался в лицо брата и словно наяву видел перед собой те тысячи футов, которые оставались тогда до воды.

— Я велел экипажу открыть задний люк, упереться руками в переборку и приготовиться выпрыгнуть.

«Экипаж в «уитли» — пять человек», — подумал Дигби.

— Когда высотомер дошел до нуля, я рванул штурвал на себя и сбросил скорость, но машина и не подумала выравниваться, так что мы со всего маху шлепнулись на воду. Я потерял сознание.

Братья они были сводные, с разницей в восемь лет. Мать Дигби умерла, когда ему исполнилось тринадцать, и отец же-

нился на вдове, имеющей сына. Дигби сразу принял его как брата, защищал от задиры в школе, помогал с уроками. Оба сходили с ума по самолетам и мечтали стать летчиками. Дигби, разбившись на мотоцикле, потерял правую ногу, окончил факультет машиностроения и занялся конструированием летательных аппаратов. А вот Барту осуществить мечту удалось.

— Когда пришел в себя, — продолжал Барт, — воняло гарью. Самолет был на плаву, правое крыло полыхало. Ночь, темно как в гробу, но благодаря огню я смог оглядеться. Прополз по фюзеляжу, нашел надувную шлюпку. Сбросил ее из люка и сам выпрыгнул. Ох и ледяная была вода, не приведи Господи!

Голос звучал ровно, спокойно, но он крепко затягивался табачным дымом, глубоко вдыхал его, а потом выпускал длинной узкой струей.

— На мне был спасательный жилет, так что я пробкой вылетел на поверхность. Волнение было приличное, мотало вверх-вниз, как штаны у шлюхи. На удачу, лодка оказалась перед самым моим носом. Дернул за шнурок — она надулась, но влезть я в нее не мог. Не было сил подтянуться из воды. И все никак не мог понять, почему это. Не доходило, что выбито плечо, сломаны кисть, три ребра и прочее. Оставалось только цепляться за лодку да околевать от холода.

«А ведь было же время, — подумал Дигби, — когда я и правда считал Барта счастливым».

— Но потом откуда ни возьмись появились вдруг Джонс и Крофт. Оказалось, они держались за хвост, пока тот не потонул. Оба не умеют плавать, но жилеты спасли их, они ухитрились забраться в шлюпку и втащили меня. — Барт закурил новую сигарету. — Пикеринга я так и не видел. Не знаю, что с ним стало... Надо думать, лежит на дне.

Он замолчал. «Есть еще один член экипажа», — подумал Дигби и, когда пауза затянулась, спросил:

— Что насчет пятого?

— Да, Джон Раули, штурман, выжил, был на плаву. Мы слышали, как он кричал. Я-то был слегка не в себе, но Джонс и

Крофт пытались на крик грести. — Барт беспомощно потряс головой. — Ты не представляешь, как это трудно. Волна высотой фута три-четыре, пожар догорает, так что почти ничего не видно, и ветер воет просто как дикий зверь. Джонс звал Раули, у него сильный голос. Тот откликался. А потом лодку поднимало с одной стороны волны, а с другой она падала и при этом бешено вертелась юлой, так что когда он кричал снова, голос долетал уже совсем не оттуда... Сколько это продолжалось, не знаю. Раули отзывался, но все тише и тише. Слабел, замерзал... — Барт окаменел лицом. — Под конец стал кричать что-то жалкое... взывать к Богу, к матери... в общем, всякий вздор... А потом смолк, и все.

Дигби осознал вдруг, что задержал дыхание, чтобы не вторгнуться в столь ужасное воспоминание.

— Нас нашли вскоре после рассвета. Эсминец, который выслеживал немецкие подводные лодки, спустил катер и подобрал нас. — Барт глядел в окно, не видя зеленых холмов Хертфордшира. — Вот уж повезло так повезло, — вздохнул он.

* * *

Они посидели, помолчали.

— А как рейд в целом? Успех? — спросил наконец Барт.

— Катастрофа, — ответил Дигби.

— А моя эскадрилья?

— Старший сержант Дженкинс с экипажем вернулся благополучно. — Дигби вынул из кармана бумажку. — И капитан Арасаратнам тоже. Откуда он, кстати?

— С Цейлона.

— Сержанта Райли подбили, но он сумел дотянуть до дома.

— Ирландцы, они такие, — кивнул Барт. — А остальные? Дигби покачал головой.

— Но из моей эскадрильи в рейд ушло шесть самолетов! — вскричал Барт.

— Да, знаю. Так же, как тебя, подбили еще двоих. Вроде никто не выжил.

— Значит, Крейтон-Смит погиб. И Билли Шоу. И... О Бо-
же. — Он отвернулся.

— Мне очень жаль.

Из отчаяния Барта швырнуло в гнев.

— «Мне очень жаль!» Жаль ему! Тоже мне! Нас послали на
смерть!

— Я знаю.

— Да ради Бога, Дигби, ты же работаешь в этом чертовом
правительстве!

— Я работаю на премьер-министра.

Черчилль имел обыкновение привлекать к работе людей из
частного сектора промышленности, и Дигби, который еще до
войны добился успехов в самолетостроении, служил у него па-
лочкой-выручалочкой на случай, когда где-то провал.

— Значит, виноват не меньше других! Вот что, не трать-ка
ты время на посещение хворых и немощных. Выметайся от-
сюда. Займись делом.

— Я и занимаюсь, — спокойно ответил Дигби. — Мне по-
ручили выяснить, как такое могло произойти. Во вчерашнем
рейде мы потеряли половину самолетов.

— Сдается мне, где-то там, наверху, засел предатель. Или
какой-нибудь маршал авиации, болван, трепался в своем клу-
бе, что завтра, дескать, воздушный налет, а бармен, тайный
нацист, подслушивал, спрятавшись за пивным насосом.

— Это только один из вариантов.

Барт глубоко вздохнул.

— Прости, Диггерс, — назвал он брата, как в детстве, — ко-
нечно, ты тут ни при чем. Я просто сорвал на тебе злость.

— Нет, серьезно, может, у тебя есть догадки, почему под-
бивают так много наших? Ты ведь вылетал на боевые задания
раз десять, не меньше. Что скажешь?

— Ну, я не просто так заговорил про шпионов, — вдумчи-
во произнес Барт. — Представляешь, мы добираемся до Гер-
мании, а они тут как тут, наготове. Словно знают, что мы к ним
летим!

— Почему ты так думаешь?

— Их истребители уже в воздухе, поджидают. Ну ты-то не можешь не понимать, как это трудно, когда выстраиваешь воздушную оборону, правильно подгадать время, чтобы в нужный момент поднять самолеты, потом направить их именно туда, где, как они полагают, окажемся мы. И уж потом истребители должны преодолеть наш потолок, забраться выше нашей предельной высоты и оттуда — при лунном свете! — нас обнаружить. Все это занимает такую уйму времени, что мы по идее должны успеть сбросить свой груз и убраться, пока нам не сели на хвост. Так нет же, ничего подобного!

Дигби кивнул. Мнение Барта совпадало со словами пилотов, которых он уже успел опросить. Он собрался сказать ему об этом, когда Барт, глядя через плечо Дигби, улыбнулся. Обернувшись, тот увидел чернокожего в форме майора. Как и Барт, для майорского звания парень был слишком юн, но Дигби знал, что продвижение происходит автоматически, по мере участия в боевых действиях: капитана авиации дают после двенадцати операций, майора — после пятнадцати.

— Привет, Чарлз, — радушно произнес Барт.

— Ну и заставил ты нас поволноваться, Бартлетт. Как ты? — Выговор у майора был карибский, приправленный неторопливостью оксбриджского происхождения.

— Говорят, жить буду.

Кончиком пальца Чарлз легонько коснулся ладони Барта с тыльной стороны, там, где она виднелась из-под повязки. Этот жест показался Дигби на удивление ласковым.

— Чертовски рад это слышать, — кивнул Чарлз.

— Чарлз, это мой брат Дигби. Дигби, это Чарлз Форд. Мы вместе учились в Тринити, пока не сбежали оттуда в авиацию.

— Ну, это был единственный способ увильнуть от сдачи экзаменов, — пожимая руку Дигби, вставил Чарлз.

— Как там твои африканцы? — спросил Барт.

Чарлз улыбнулся и пояснил, адресуясь к Дигби:

— У нас на аэродроме есть эскадрилья, в составе которой парни из Родезии. Летают отлично, но не могут смириться с тем, что приходится иметь дело с офицером, у которого мой

цвет кожи. Мы окрестили их африканцами, и это раздражает ребят. Ума не приложу почему.

— Ну вы-то, очевидно, до раздражения не снисходите, — ответил Дигби.

— Я искренне верю, что, проявляя терпение и совершенствуя методы обучения, со временем мы сумеем цивилизовать подобных субъектов, хотя и находим их несколько... примитивными. — Чарлз отвел глаза.

От Дигби не укрылось, что под шуткой теплится гнев.

— Я как раз спрашивал Барта, почему, по его мнению, мы теряем так много бомбардировщиков. А вы что скажете?

— В этом рейде я не участвовал, — пожал плечами Чарлз. — Что ни говори, повезло. Однако уже несколько операций прошло из рук вон плохо. Знаете, у меня впечатление, будто немцы видят нас сквозь облака. Как если бы у самолетов люфтваффе на борту была установлена штуковина, которая позволяет отслеживать нас, даже когда мы за пределами видимости.

Дигби покачал головой.

— Все подбитые самолеты врага разобраны до винтика и изучены, и ничего такого, о чем вы говорите, не нашли. Мы и сами из кожи вон лезем, чтобы изобрести что-то подобное, как и немцы, конечно, но нам до успеха далеко, а им, мы в этом уверены, — еще дальше. Думаю, причина в другом.

— Ну, другого объяснения у меня нет.

— А я все-таки думаю, без шпиона не обошлось, — заявил Барт.

— Понял. — Дигби поднялся с места. — Что ж, нужно возвращаться в Уайтхолл. Спасибо, что поделились со мной. Не последнее дело — поговорить с тем, кто на острие событий. — Он обменялся рукопожатием с Чарлзом, легонько хлопнул Барта по здоровому плечу. — Веди себя смирно, набирайся сил.

— Говорят, еще несколько недель, и мне разрешат летать.

— Не могу сказать, что это меня радует.

Дигби повернулся, чтобы уйти, но Чарлз его остановил:

— Я могу задать вам вопрос?

— Разумеется.

— В результате рейдов вроде этого мы несем потери в технике, залатать которые встает нам дороже, чем врагу восполнить урон, нанесенный нашей бомбежкой. Это ведь так?

— Вне всяких сомнений.

— В таком случае... — Чарлз в недоумении развел руками, — зачем? Зачем мы делаем это? Какой смысл бросать бомбы?

— Точно, — кивнул Барт. — И мне тоже хотелось бы это знать.

— А что нам остается? — вздохнул Дигби. — У нацистов под контролем вся Европа: Австрия, Чехословакия, Голландия, Бельгия, Франция, Дания. Италия им союзник, Испания симпатизирует, а с Советским Союзом у них пакт о ненападении. У нас на континенте военных сил нет. Как еще мы можем с ними бороться?

— Понятно, — кивнул Чарлз. — Значит, мы — все, что у вас есть.

— Вот именно. Если бомбежки прекратить, война закончена, Гитлер окажется на коне.

* * *

Премьер-министр смотрел «Мальтийского сокола». К старым кухням Адмиралтейства недавно пристроили кинозал. Установили то ли пятьдесят, то ли шестьдесят обитых плюшем стульев и, как полагается, повесили занавес из красного бархата. Но использовался зал в основном для просмотра хроники авианалетов или отбора пропагандистских фильмов, годных для проката на публике.

Поздно ночью, когда все поручения надиктованы, телеграммы разосланы, доклады прочитаны, резолюции наложены и помечены инициалами все протоколы, когда тревога, усталость и напряжение допекают так, что не заснуть, Черчилль усаживался в просторное кресло в начальственном первом ряду и за стаканом бренди погружался в какую-нибудь из свежеснятых грез Голливуда.

Когда в зал вошел Дигби, Хэмфри Богарт как раз втолковывал Мэри Астор, что, если убивают партнера, человек просто обязан как-то на это отреагировать. В зале было не продохнуть от табачного дыма. Черчилль взмахом руки указал на кресло. Дигби уселся и посмотрел последние минуты фильма. Когда по черному силуэту сокола побежали титры, Дигби сообщил боссу, что, похоже, люфтваффе загодя известно, на какой час назначен вылет британских бомбардировщиков.

Выслушав, Черчилль еще некоторое время не отрывал глаз от экрана, словно хотел посмотреть, кто сыграл Брайана. Он умел быть очаровательным, когда пускал в ход теплую улыбку и блеск голубых глаз, но сегодня, казалось, мрачней чело- века нет.

— А что думают в военно-воздушных силах? — произнес он наконец.

— Винят боевой порядок самолетов в воздухе. Если бомбардировщики летят плотным строем, то контролируют большой сектор вокруг себя, так что вражеских истребителей при полете немедленно уничтожают.

— А вы что на это скажете?

— Ерунда. Плотный боевой строй никогда не работал. Нет, в наше уравнение определенно проникло некое неизвестное.

— Согласен. Но какое?

— Мой братец винит шпионов.

— Все шпионы, которых мы выловили, были любители. Впрочем, оттого-то мы их и поймали. Самые толковые, что и говорить, наверняка выскользнули из сети.

— А что, если у немцев технический прорыв?

— Контрразведка уверяет, что в разработке радара противник далеко позади нас.

— И вы этому верите?

— Нет.

Зажегся верхний свет. Черчилль в вечернем костюме выглядел, как всегда, шеголеват, но лицо осунулось от усталости. Из кармана жилета он вынул сложенный листок папиросной бумаги.